

Дивергент

ИНСУРГЕНТ

Эллигент
Четыре.
История дивергента

ИНСУРГЕНТ

ВЕРОНИКА
РОТ

МОСКВА
2024

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

P79

Veronica Roth

INSURGENT

Copyright © 2012 by Veronica Roth

Published by arrangement with HarperCollins Children's Books,
a division of HarperCollins Publishers

Иллюстрация на обложке и в блоке *JAMESLINK*

Рот, Вероника.

P79 Инсургент / Вероника Рот ; [перевод с английского М. Новыша]. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-191047-1

Беатрис Прайор, родившаяся в семье Альтруистов, меняет фракцию и вступает в ряды Лихости. Но каждый выбор имеет последствия. День ее посвящения в лихачи закончился катастрофой. Привычное устройство мира стремительно рушится, противоречия между фракциями растут, конфликт идеологий становится все более острым. Надвигается война. Перед Трис снова стоит необходимость принять поворотное решение: она должна выбрать сторону. Но как это сделать, если все мысли заняты горем и мучительным чувством вины? И как справиться с последствиями, когда раскрытые секреты делают выбор неотвратимым?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Новыш М., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-191047-1

*Посвящается Нельсону,
ради которого стоило рискнуть всем.*

Правда, как и дикий зверь, слишком
сильна, чтобы оставаться в клетке.

Из манифеста фракции Правдолюбия

Глава 1

Я проснулась с его именем на устах.
Уилл.

В моем сознании снова всплыла все та же картина — как он замертво рухнул на асфальт. Я убила его.

Сейчас рядом со мной сидит Тобиас, положив руку мне на левое плечо. Вагон поезда стучит по стыкам рельс, у дверного проема затаились Маркус, Питер и Кaleb. Я делаю глубокий вдох и задерживаю дыхание, пытаюсь хоть как-то ослабить напряжение, сдавившее мою грудь.

Всего лишь час назад произошедшее казалось мне нереальным. А теперь — нет.

Я стараюсь глубоко дышать, но без толку — напряжение не исчезает.

— Давай, Трис, — шепчет Тобиас, пытаюсь поймать мой взгляд. — Надо уходить.

Слишком темно, чтобы понять, где мы, но, наверное, уже недалеко от ограды. Тобиас помогает мне встать и ведет к выходу.

Остальные начинают прыгать один за другим. Первым — Питер, потом — Маркус, а затем — Кaleb. Я хватаю Тобиаса за руку. Мы находимся на краю, ветер дует мне в лицо, словно отталкивая назад, в самую глубь вагона, в безопасность.

Но мы прыгаем в темноту и сильно ударяемся ногами о землю. И боль от пулевой раны в правом плече снова дает о себе знать. Я прикусываю губу, чтобы не вскрикнуть, и оглядываюсь вокруг в поисках брата.

— В порядке? — спрашиваю я, обнаружив Калеба сидящим на траве в паре футов от меня. Он потирает ушибленное колено.

Калев кивает, шмыгает носом, чтобы не расплакаться, и я отворачиваюсь.

Оказалось, мы выпрыгнули на траву в нескольких метрах от ограды, возле раздолбанной дороги, по которой грузовики Товарищества возят в город продовольствие. Рядом главные выездные ворота. Сейчас они заперты, наружу не выйдешь. Везде построены сторожевые вышки. Они гибкие и крепкие — на них не заберешься и не поваляешься.

— Здесь должны быть охранники, из лихачей, — говорит Маркус. — Где они?

— Очевидно, под влиянием симуляции, — отвечает Тобиас.

Внезапно он замолкает.

— Кто знает, где они и что делают, — наконец произносит он.

Мы остановили симуляцию. Об этом напоминает вес жесткого диска, лежащего у меня в заднем кармане. Но у нас не было времени оценить последствия. Сейчас мы никак не можем узнать, что случилось с нашими друзьями, с нашими лидерами и фракциями.

Тобиас подходит к маленькой металлической коробочке, закрепленной на правой стороне ворот, и открывает ее. Внутри — клавиатура.

— Будем надеяться, у эрудитов не хватило ума сменить код, — бормочет он, набирая несколько цифр. Когда Тобиас вводит восьмой знак, раздается щелчок, и ворота открываются.

— Откуда ты знаешь шифр? — спрашивает Кaleb так резко, что я удивляюсь, как эти слова не застревают у парня в горле.

— Работал на посту управления сектора Лихости, следил за системой безопасности. Код мы меняли два раза в год, — отвечает Тобиас.

— Какая удача, — заявляет Кaleb, напряженно глядя на Тобиаса.

— Фортуна ни при чем, — парирует тот. — Я устроился туда, чтобы иметь возможность выбраться.

Я вздрагиваю. Он уверен, что мы уже в ловушке. Я еще никогда не думала о нашем положении подобным образом, и, видимо, зря.

Мы движемся плотной группой. Питер прижимает к груди окровавленную руку, ту самую, которую ему прострелила я. Маркус поддерживает его за плечо, чтобы тот не упал. Кaleb каждые пару секунд вытирает щеки. Я понимаю, что он плачет, но не могу его утешить. Не знаю почему, но сама я не плачу.

И я просто выхожу вперед. Тобиас молча нагоняет меня и идет рядом, одно его присутствие помогает мне держаться.

Огоньки — первый признак, что мы приближаемся к лагерю Товарищества. Яркие точки постепенно увеличиваются, превращаются в квадраты и наконец в залитые светом окна. Это небольшое скопление деревянных и застекленных домов.

Но прежде предстоит миновать сад. Ноги начинают увязать в мягкой почве, ветви деревьев над головой переплетаются, образуя тоннель. Между листьев висят потемневшие, тяжелые плоды. В нос ударяет резкий сладкий запах подгнивших яблок на влажной земле.

Маркус решительно отходит от Питера.

— Все за мной, — произносит он.

Он ведет нас мимо первого здания ко второму, держась левой стороны. Все строения, кроме теплиц, сделаны из грубо обработанного темного дерева и не покрашены. Из открытого окна слышится смех. Контраст между весельем и отчаянием, каменной немотой, которая царит внутри меня, разителен.

Маркус открывает одну из дверей. Здесь отсутствуют меры безопасности — члены Товарищества слишком часто переступают линию, отделяющую доверие от глупости.

Сначала я слышу лишь скрип наших ботинок. Калеб уже не плачет, похоже, он успокоился.

Маркус останавливается на пороге комнаты, и перед нами предстает Джоанна Рейес, представитель Товарищества в правительстве. Я сразу узнаю ее. Джоанну забыть невозможно. Шрам рассекает ее лицо — от правой брови и до верхней губы, упирается в незрячий глаз и мешает ей говорить, заставляя шепелявить. Я навсегда запомнила ее голос. Если бы не этот рубец, она была бы настоящей красавицей.

— О, слава богу, — произносит Джоанна и идет Маркусу навстречу — с распростертыми объятиями, но лишь слегка касается его плеч. Думаю, она хорошо помнит, что альтруисты не любят физического контакта в повседневной жизни.

— Другие члены вашей фракции добрались пару часов назад, но не были уверены, удастся ли это сделать вам, — говорит она. Рейес имеет в виду группу альтруистов, которые собирались вместе с моим отцом и Маркусом. Похоже, их судьба меня совсем не беспокоит.

Она внимательно разглядывает Тобиаса и Калеба, а потом одаривает взглядом меня и Питера.

— О господи, — восклицает Джоанна, уставившись на рубашку Питера, промокшую от крови. — Я пошлю за врачом. Могу предложить вам ночлег, но вопрос дальнейшего пребывания решит общее собрание завтра утром. И, — многозначительно добавляет она, — вряд ли их обрадует

присутствие в нашем секторе лихачей. Также я, безусловно, попрошу вас сдать имеющееся оружие.

Я недоумеваю, как она догадалась, что я и Тобиас из лихачей. На мне все еще надета серая рубашка моего отца.

И вдруг его запах — смесь пота и мыла — поднимается вверх и заполняет мой нос, наводняет голову мыслями о нем. Я сжимаю кулаки, и ногти едва не протыкают кожу на ладонях. *Не здесь. Не сейчас.*

Тобиас держит руку на пистолете, но, когда я собираюсь достать спрятанное под рубашкой оружие, он хватается за кисть. Затем он сплетает свои пальцы с моими, чтобы скрыть все от посторонних глаз.

Я понимаю, что лучше быть при оружии. Но как хочется избавиться от него сейчас!

— Меня зовут Джоанна Рейес, — официально представляется она, здороваясь за руку со мной и с Тобиасом. Приветствие в стиле лихачей. Меня впечатляет подобное знание обычаев фракций. Я всегда забываю о том, сколь деликатны и предусмотрительны члены Товарищества, пока не сталкиваюсь с этим воочию.

— Это То... — начинает Маркус, но Тобиас перебивает его.

— Меня зовут Четыре, — сообщает он. — А это — Трис, Калев и Питер.

Пару дней назад имя «Тобиас» было известно лишь мне. Он поделился со мной самым сокровенным. Вне лагеря Лихости у парня есть особый повод скрывать свое имя, которое связывает его с Маркусом.

— Добро пожаловать в дома Товарищества, — говорит Джоанна и слегка улыбается. — Позвольте о вас позаботиться.

Мы, конечно, не против. Медсестра дает мне мазь, изобретенную эрудитами, без сомнения, — хорошо заживляющую. Питер остается в больничной палате, где занимаются его рукой. Джоанна отводит нас в кафетерий, мы встречаемся с частью альтруистов, из тех, что были вместе с Кале-

бом и отцом. Здесь Сьюзен и некоторые из наших соседей. Стоящие в ряд деревянные столы тянутся из конца в конец помещения. Знакомые приветствуют нас и Маркуса, сдерживая слезы и пытаюсь улыбаться.

Я вцепляюсь в Тобиаса. Присутствие членов фракции, к которой принадлежал отец, и жизни, оборвавшейся в одну ночь, — все повисает на мне тяжким грузом.

Один из альтруистов сует мне под нос чашку с дымящейся жидкостью.

— Выпей, — произносит он. — Поможет уснуть без сновидений.

Влага — розовато-красная, как клубника. Я залпом выпиваю все до дна. Первые пару секунд кажется, что меня наполняют силы, но вскоре я полностью расслабляюсь. Кто-то ведет меня по коридору, в комнату с кроватью. Я проваливаюсь в темноту.

12

Глава 2

Я открываю глаза и в ужасе хватаюсь руками за простыни. Но я в безопасности и не мечусь по улицам или коридорам штаб-квартиры Лихости. Я лежу в постели, в доме Товарищества. Воздух пропитан запахом опилок.

Я поворачиваюсь и вздрагиваю, ощущая, как что-то впицается мне в спину. Я моментально нащупываю пистолет.

На мгновение я снова вижу перед собой Уилла. Мы целимся друг в друга. Но я ведь могла выстрелить ему в руку, почему я этого не сделала, почему?

Я произношу его имя, срываясь на крик.

И все исчезает.

Наконец я встаю, приподнимаю матрас, подпирая его коленом. Сую в тайник пистолет, и теперь, когда оружие не касается моей кожи, в голове сразу становится яснее.

Адреналиновая лихорадка вчерашнего дня закончилась, так же как и успокоительный напиток, и я чувствую сильную стреляющую боль в плече. Я спала в одежде. Из-под подушки торчит краешек жесткого диска. Я вчера туда его сунула. На нем сохранены данные симуляции, которая управляла лихачами, и запись действий эрудитов. Это очень важно, я даже боюсь его трогать, но нельзя оставлять диск в кровати. Я хватаю его и прячу между шкафом и стеной. Какая-то часть меня точно считает, что его надо уничтожить. Но я знаю — это единственное доказательство того, как погибли мои родители.

Кто-то стучится. Я сажусь на край постели, пытаюсь пригладить волосы.

— Войдите, — произношу я.

Дверь открывается. На пороге застывает Тобиас. Он — в своих старых джинсах, но вместо черной футболки нацепил темно-красную. Он, наверное, получил обновку от здешних жителей. Для него это слишком яркий цвет, но, когда парень откидывает голову и прислоняется к проему, я понимаю, что такой оттенок делает темно-синие глаза Тобиаса более светлыми.

— Члены Товарищества собираются через полчаса, — сообщает он, подняв бровь. — *Чтобы решить нашу судьбу,* — драматическим тоном добавляет он.

— Никогда не думала, что моя судьба окажется в руках кучки ребят из Товарищества, — отвечаю я и недоуменно качаю головой.

— Я тоже. О, я тебе кое-что принес, — Тобиас открывает крышку небольшой бутылочки и протягивает мне стаканчик, наполненный прозрачной жидкостью. — Обезболивающее. Принимай каждые шесть часов.

— Спасибо, — благодарю я, опрокидывая содержимое в рот. На вкус лекарство похоже на подгнивший лимон.

Тобиас засовывает большой палец в шлевку джинсов.

— Как ты, Беатрис?

— Как ты меня назвал?

— Решил попытаться, — улыбается он. — Не стоит?

— Сойдет, но для особых случаев. Инициация, Выбор...

Я умолкаю. Я хотела назвать еще пару праздников, но их отмечают только альтруисты. У лихачей — свой собственный календарь, но я пока даже не в курсе, какой он. В любом случае мысль о том, что мы будем торжественно отмечать какие-то события, кажется мне не-лепой.

— Договорились, — соглашается Тобиас, но вдруг становится серьезным. — Как ты, Трис?

В вопросе нет ничего странного, особенно после того, что нам пришлось пережить, но я сильно напрягаюсь, словно Тобиас видит меня насквозь. Я еще не рассказала ему про Уилла. Я хочу, но не знаю как. Сама мысль произвести все это вслух кажется невыносимо тяжелой — будто я сразу сквозь пол провалюсь.

— Я... Никак, Четыре. Я проснулась...

Я начинаю трясти головой. Он проводит рукой по моей щеке, положив свой палец мне за ухо. Потом наклоняется и целует меня. Волна истомы окатывает тело. Я обхватываю его руку и держу ее. Он прижимается ко мне, и грудь с животом заполняет тепло.

Сейчас я не должна ничего говорить. Я могу лишь попытаться забыть, а Тобиас мне поможет.

— Понимаю, — шепчет он. — Извини, не стоило спрашивать.

Разве это можно понять, — думаю я. Но нечто в его лице напоминает мне — он знает, что значит потерять родного человека. Он лишился матери, когда был еще мальчиком. Я помню только ее похороны.

Внезапно в голове всплывает, как он, девятилетний, стоял тогда в гостиной, вцепившись руками в занавески. Его темно-синие глаза были закрыты. Образ нечеткий, возможно, мое воображение разыгралось.

Тобиас выпускает меня из объятий.

— Я уйду, а ты приготовься, — говорит он.

Женская душевая находится двумя этажами ниже. Пол выложен темно-коричневой плиткой, стены сделаны из дерева и отгорожены от прохода пластиковыми занавесками. На стене надпись — ВНИМАНИЕ: В ЦЕЛЯХ ЭКОНОМИИ РЕСУРСОВ ДУШ РАБОТАЕТ ТОЛЬКО ПЯТЬ МИНУТ.

Вода холодная, так что мне вообще не нужно лишнее время. Я быстро моюсь левой рукой, правая висит вдоль тела. Лекарство, которое принес Тобиас, действует быстро. Боль в плече уже превратилась в тупую пульсацию.

Затем я возвращаюсь в комнату и нахожу на кровати стопку одежды. Желтая и красная принадлежит Товариществу, серая — Альтруизму. Я редко видела эти оттенки вместе. Если бы меня попросили угадать, я бы предположила, что их принесли альтруисты. Они всегда очень заботливые.

Я надеваю темно-красные джинсы, закатываю штанины в три оборота и облачаюсь в серую рубашку, которая тоже изрядно велика. Рукава доходят до кончиков пальцев, их приходится подвернуть. Двигать правой рукой больно, поэтому приходится делать все медленно и постепенно.

Кто-то опять стучится.

— Беатрис?

Тихий голос принадлежит Сьюзен.

Я открываю. Она приносит поднос с едой и ставит на кровать. Я всматриваюсь ей в лицо, ожидая увидеть боль утраты. Ее отец, один из лидеров Альтруизма, погиб во время нападения. Но Сьюзен спокойна, упорна и уверена. Главное качество фракции, которую я покинула.

— Извини, одежда не по размеру, — произносит она. — Наверняка сможем найти тебе что-то получше, если члены Товарищества позволят остаться.

— Все нормально, — отвечаю я. — Спасибо.

— Слышала, ты ранена. Тебе не надо помочь причесться или завязать ботинки?

Я уже готова отказаться, но мне действительно нужна хоть какая-то поддержка.

